

© 2006 г.

С.С. ЯРОШЕНКО

Четыре социологических объяснения бедности (опыт анализа зарубежной литературы)

Ярошенко Светлана Сергеевна - кандидат социологических наук, зав. сектором экономической социологии Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Понимание природы бедности, причин ее постоянства связано с установлением закономерных взаимосвязей между материальным благополучием, поведением индивида и состоянием социальной системы. От этого понимания зависят не только методы борьбы с бедностью, но и сама постановка вопроса о возможностях и необходимости эффективного социального реформирования, его направленности и глубине. Обращение к этой теме сегодня, когда социалистическая перспектива была дискредитирована опытом реального социализма, продиктовано стремлением обозначить теоретические рамки рассуждений о природе бедности в трансформирующемся российском обществе. Это не будет детальный анализ всех теоретических подходов, а только значимых для понимания социальной природы бедности, наиболее эффективных в описании и объяснении ее распространения в условиях капиталистической трансформации и наиболее репрезентативных для социологического анализа.

В общем виде теоретические рассуждения относительно бедности в современной социологии можно свести к пересечению двух оснований: *уровня объяснения* (индивид/ общество) и *способа объяснения* (детерминизм/ конструктивизм). Если уровень объяснения предполагает выведение причин бедности из особенностей индивида или социальной системы, то способ объяснения – соотнесение с «детерминистскими» или «конструктивистскими» (волюнтаристскими) аналитическими традициями. Выбор именно этих оснований обусловлен генеалогией социологических представлений о бедности. Первое отражает стратегию анализа, а второе – метод социологической аргументации в рамках позитивистской или интерпретативной (герменевтической) доктрины [2; 30]. Детерминизм в данном случае связан с признанием бедности как «естественного» состояния и выведением доминирующего основания в объяснении. В свою очередь, конструктивизм пытается преодолеть однозначность такого подхода и учесть влияние других факторов в формировании социального класса (бедности).

В представленной здесь схеме наглядно отражены уровни и способы теоретических объяснений бедности.

Основания		Способ объяснения	
		Детерминизм (позитивизм)	Конструктивизм (интерпретация)
Уровень объяснения	Индивидуальные характеристики	1. Культура бедности	3. Стили и риски бедности
	Характеристики системы	2. Классовая эксплуатация (марксистский классовый анализ)	4. Социальное исключение

Обозначены четыре возможных вида объяснений, сформированных на пересечении выделенных оснований¹.

¹ Идея такого упрощенного представления социологических объяснений бедности в таблице «2x2» заимствована из работы Э. Райта [37, р. 33], и представляет собой технику выделения в массе теорий и концепций основополагающих и ключевых.

Для первого объяснения центральной является концепция «культуры бедности», которая связывает бедность с особым образом жизни. Второе объяснение – марксистский классовый анализ – прослеживает сущностную связь бедности с капиталистической системой. Оба эти варианта трактуют бедность как естественнонаучный, объективно существующий факт.

Два других объяснения выстраивают свою аргументацию через тезис постоянного конструирования и реконструирования социальной действительности в ходе взаимодействия множества факторов, а потому признают необходимость иного, недетерминистского объяснения природы бедности. Так, в постмодернистских концепциях стилей и рисков бедности

упор делается на человеческой активности (субъектности) и в появлении «новых» бедных видится результат взаимодействия индивидуальных практик поведения и различных институциональных регламентаций. Концепция социального исключения предполагает определение узловых точек интеракций (пересечений) между различными социальными позициями, в ходе которых, с одной стороны, накапливаются трудности и сокращаются возможности их преодоления, а с другой – формируются способы действия с разными перспективами восстановления благополучия. В каждом объяснении описывается механизм воспроизводства бедности, состоящий во взаимодействии структурных ограничений (классовых, гражданских и т.п.) и индивидуальных возможностей (ресурсов и практик). Каждое объяснение, по крайней мере, подразумевает ответы на два ключевых вопроса: *кто виноват*, или при каких условиях, какие действия акторов, занимающих те или иные социальные позиции, приводят их самих и акторов, занимающих другие социальные позиции, к бедности или достатку; *что делать*, или каковы наиболее эффективные способы управления бедностью.

Рассмотрим варианты ответов на эти животрепещущие вопросы.

Индивидуальный (культурный) детерминизм бедности и либеральный проект современности

На уровне здравого смысла признание причин бедности в самих бедных или в особой культуре – встречается часто, когда бедным приписываются лень, иждивенческие установки или нерациональное потребление. Распространенная поговорка о том, что «счастье – это то, чем удовлетворяется человек», как нельзя лучше отражает еще одну сторону этой интерпретации: сознательный аскетизм, недостижительские установки и субъективное принятие нужды, проявляющееся в удовлетворенности низкими стандартами жизни.

Теоретические посылки научного обоснования такой позиции отражены в *социал-дарвинизме* [4] и в работах Г. Спенсера (1820-1903). Английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма, сторонник эволюционной теории развития общества считал выживание самых приспособленных основным законом социального развития. Основная идея о свободе рациональных рыночных субъектов в достижении успеха предполагала функциональную связь индивидуального поведения и бедности: когда в силу различных способностей и прилежания результаты труда оказываются разными [7]. Логично, что бедность представлялась следствием недостатков личных усилий, а также инструментом изоляции несостоятельных граждан в либеральном обществе. Изменение характера этой связи через государственное вмешательство считалось неприемлемым и даже опасным для общества. Государственное вмешательство означало ограничение свободы деятельности людей, а помощь одним за счет других – перераспределение бедности, а не ее ликвидацию. Чем больше живущих на государственные пособия, тем меньше число живущих трудом; следовательно, меньше производится необходимых товаров и значительней становится бедность. Поэтому отношениями между людьми должен управлять не внешний, а внутренний закон. Вмешательство государство оправдано только в том случае, если оно гарантирует равные права и возможности.

Таким образом, детерминизм на уровне индивидов возлагал ответственность за нужду на личные недостатки тех, кто не вписывался в рыночные правила и в качестве «слабого» исключался из состоятельных слоев, но оставался равноправным членом либерального общества. Понимание бедности как неотъемлемой части капиталистической системы и оценки ее как блага для всего общества в конце концов привело к проблематизации особого образа жизни в бедности – в качестве *культурного*

механизма обеднения (вытеснения на периферию) неприспособленных индивидов, в котором сочетаются и взаимодействуют индивидуальные и социальные факторы.

Достаточно подробно этот механизм описывается в работах социологов Чикагской школы [31; 33]. Но наибольший резонанс, пожалуй, вызвала концепция «культуры бедности», разработанная О. Льюисом – профессором антропологии Иллинойского университета, изучавшим в 1950 – 1960-е гг. сельскую жизнь в Латинской Америке и оказавшего значительное влияние на социологические исследования бедности того времени, и на политику в отношении бедности [23; 24; 25; 26]². Согласно его концепции, изоляция бедных в обществе происходит через особую, передаваемую из поколения в поколение, культуру [24], которая, с одной стороны, представляет собой результат индивидуальных реакций на маргинальную позицию в стратифицированном, индивидуалистском капиталистическом обществе, а с другой – относительно устойчивую, независимую от внешних условий, вполне рациональную систему ценностей, норм и правил решения жизненных проблем [26]. Ее воспроизводство объясняется не столько сохранением материальных и социальных условий, в которых она складывается, сколько процессом социализации. Отсюда происходит особое внимание к семье низшего класса и многочисленные рассуждения об изменении института семьи (матриархальная семья, многопроблемная семья и т.д.) и о роли семейной социализации в передаче культуры [19, 32].

Данный вариант социологического объяснения бедности абстрагируется от макросоциальных факторов и пытается вывести причины бедности из природы индивида, его поведения и культуры. В практическом смысле такая трактовка бедности неразрывно связана с идеей о

² Анализ эволюции субкультурного похода к объяснению бедности (см: [13]).

недопустимости широкой прямой социальной поддержки бедных через перераспределение благ и с приоритетом обучающих или интегрирующих социальных программ. Иначе бедность представляется в концепции социального детерминизма.

Социальный детерминизм бедности и социалистический проект современности

Если в социал-дарвинизме нашла выражение посылка индивидуальной ответственности за бедность, то марксизм разработал теорию научного анализа социальных причин бедности, в котором бедность напрямую связывалась с особенностями капиталистического способа производства и зависимого положения трудящихся от капиталистов, эксплуатируемых от эксплуататоров. Господство частной собственности на средства производства, а отсюда – *классовое деление* в зависимости от положения в системе общественного производства считалось основной причиной бедности.

К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли три типа бедности: абсолютную, социальную (относительную) и физическую. *Абсолютная бедность* рабочего означала, что на продажу он может предложить только один товар – свою рабочую силу, и что рабочий противостоит богатству всего лишь как рабочая сила [5, с. 179]. Показателем *социальной бедности*, или относительного обнищания рабочего класса - представлялась норма эксплуатации, тесно связанная с величиной расхождений между оплаченным и неоплаченным трудом или долей зарплаты трудящихся в национальном доходе. [5, с. 632-634]. И, наконец, *физическая бедность* отражала подчинение потребления рабочего класса целям капиталистического накопления [11, с. 264].

Разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом типология бедности подчинена доказательству базового положения о том, что бедность есть

результат особых социальных отношений в капиталистическом обществе – отношений эксплуатации, обусловленных занимаемым классовым положением. В качестве критериев бедности выступали собственность на средства производства и мера эксплуатации. При этом они исследовали не саму бедность, а существующее экономическое неравенство и причины классового антогонизма, социального конфликта. В основе марксистской концепции классов лежит объективно структурированное экономическое неравенство. Класс конституируется не убеждениями людей, а объективными условиями, которые позволяют иметь бóльший или меньший доступ к материальному вознаграждению. Это относят к числу достоинств марксизма [15]. Слабость марксистского анализа проявляется при переходе к характеристике бедности и прогнозу перспектив ее устранения. В марксизме бедность – это следствие и необходимый продукт капиталистического производства, выражение противоречий капитализма. Только пролетарская революция и радикальное переустройство общества могут преодолеть бедность [12, с. 230].

Этот подход до сих пор сохраняет актуальность. Ключевая идея этого подхода состоит в том, что существует привилегированный и влиятельный социальный агент (класс), заинтересованный в сохранении бедности. Разрабатывая классовый анализ бедности, Э. Райт, профессор социологии Висконсинского университета, видит в ней не просто неудачное следствие реализации материальных интересов этого агента, а необходимое *условие* для *реализации* этих интересов [37, р. 37-50]. Таким образом, воспроизводится классический марксистский тезис о том, что капиталисты от существования бедности получают выгоду. Однако Райт расширяет категорию эксплуатирующих классов, куда уже входят не только капиталисты, имеющие собственность на средства производства, но и менеджеры,

обладающие организационным капиталом, а также эксперты, владеющие культурным капиталом [36].

Практический смысл данного подхода заключается в том, что искоренение бедности возможно только с разрушением влиятельных политических сил, заинтересованных в сохранении капиталистической системы, поскольку сохранение крайней бедности – это результат не политической близорукости или недостатка знаний о направлениях социального реформирования, а следствие заинтересованности в получении выгоды от ее существования. Райт видит два варианта решения этой проблемы. Радикальный вариант связан с революционным марксизмом и разрушением всей системы, условием существования которой является бедность. Социал-демократический вариант связан с «приручением» (изменением) капитализма за счет заинтересованности капиталистов в сохранении капиталистических институтов и их готовности поступиться частью экономической выгоды, перераспределив средства в пользу бедных. В результате, капитализм может быть существенно изменен *изнутри*. В этом смысле Швеция является примером ограничения буржуазных appetitов политическими мерами в достижении компромисса с влиятельными защитниками непривилегированных [37, p. 37-38].

Таким образом, в рамках данного объяснения только погружение бедности в социальный контекст может раскрыть ее реальную природу и причины. За ним стоит сознательный отказ от возложения всей ответственности за материальное благополучие на индивида. Полное преодоление бедности в такой перспективе возможно только с изменением политико–экономической системы через социальный протест и мобилизацию эксплуатируемых масс против правящих (господствующих) классов. При этом признается возможность «договора» и институциональной регламентации условий жизни в бедности, препятствующих ее

воспроизводству и росту. В целом, для детерминистской традиции характерно представление о функциональной связи неравенства, свойственного капиталистической системе, и бедности, некотором сужении причин бедности и о возможности ее преодоления – создания общества всеобщего благоденствия.

Изложенные концепции бедности, построенные на монокаузальной схеме, и основанные на «проекте Современности», все менее справляются с объяснением противоречивых новейших тенденций. Например, в программной работе У. Вилсона, профессора социологии Чикагского университета (США), об андэклассе выдвигаются сразу два противоположных объяснения. С одной стороны, используется «культурная» перспектива и доказывается, что отсутствие ролевых моделей достижения успеха посредством напряженного труда у чернокожей молодежи, проживающей в гетто (inner city), объясняет их низкую самооценку, фатализм и слабую мотивацию к труду, которые, в свою очередь, ведут к воспроизводству бедности. С другой стороны, в рамках «структурной» традиции проводится тезис о том, что изменения в структуре американского рынка труда и рост безработицы, ведут к бедности [34]. Несмотря на противоречия, эти авторы не отказываются от общепринятых в позитивизме традиций, а *стремятся показать характер и последовательность влияния: сначала структуры (классовой позиции), потом культуры*. Другое видение и иные ответы на ключевые вопросы о связи бедности и системы, бедности и политики предлагаются *последователями конструктивистской традиции* в рамках постсовременной социальной теории.

Индивидуальное конструирование бедности и проект постсовременного капитализма

Это объяснение еще не получило широкого распространения в общественном мнении. Отдельные его отголоски можно проследить в представлениях об изменчивости фортуны и ежедневном строительстве семейного или личного благополучия. «Кто не рискует, тот не пьет шампанского», – часто повторял один мой информант из числа зарегистрированных бедных.

Общая методология такого подхода в том, что индивиды считаются социальными субъектами, первичными по отношению к обществу и несводимыми в социальные группы (классы), а социальные институты, в первую очередь государство, хоть и ограничивают индивидуальную свободу, но являются продуктом индивидуальной активности. Эта позиция объединяет данную перспективу с моделью «культуры бедности». Отличительной же особенностью является идея постоянных изменений, неустойчивости социальных условий, что делает любую позицию, в том числе в бедности, нестабильной и конструируемой реактивным поведением. Отсюда особый интерес к обществу риска (пришедшего на смену классовому обществу), к индивидуалистическому поведению, формируемому семьей, соседями, территориальным сообществом, государством, а также к правительственности³ и его конструирующему воздействию на действительность [14].

Отдельные социальные процессы постсовременности – рост женской занятости, увеличение числа разводов, кризис нуклеарной семьи,

³ Понятие, введенное Фуко в начале 1970-х гг., означает экспертное (стратегическое, властное) управление одних людей поведением других через знание, т.е. существование социального контроля, реализующего, например, интересы среднего класса и патриархальной власти мужчин [17].

феминизация бедности за счет семей, возглавляемых женщинами, ослабление связей между поколениями – считаются признаками развернутого процесса структурной дифференциации в социальных системах под воздействием «пресса» людской активности на существующие структуры [16, р. 6-7]. В результате происходят индивидуализация и рост автономии, а значит, и усиливается и деинституционализация повседневной жизни – сокращение формального и неформального социального контроля. Деинституционализация тесно связывается с диверсификацией жизненных стилей, что позволяет в ситуации расширения возможностей выбрать собственный индивидуальный способ жизни и работы. Индивидуализация как социальный феномен сопряжена с двумя противоречивыми аспектами жизни. С одной стороны, все большее количество людей пытается разнообразить способы использования себе во благо современных технологий. С другой – увеличиваются риски личных неудач и изоляции неудачников. Неспособные адаптироваться к постоянным переменам – первые кандидаты в бедные. Отсюда появление новой, постсовременной бедности. Например, Дэвид Чил, профессор социологии Виннипегского университета, считает, что новая бедность появилась в результате адресной социальной политики. Начиная с 1950-х гг., систематическая поддержка пожилых, по его мнению, снизила среди них риск бедности, но одновременно и привела к сокращению межпоколенческой помощи и числа расширенных семей. В новых условиях отказ от социальной поддержки этой группы таит в себе гораздо больший риск бедности, чем прежде. Он считает, что увеличение количества одиноких матерей, находящихся за чертой бедности, подтверждает идею о том, что личные финансовые трудности стали гораздо чаще возникать из-за отказа от традиционных способов сложения семейных доходов (income sharing), распространенных в прежней моральной экономике недавнего прошлого, к которым относятся помощь родителей детям, родственный обмен и т.п. Сюда же Чил относит и

материальную помощь мужа в случае развода. Теперь в случае развода женщины, по его мнению, решают проблемы самостоятельно, что делать очень сложно из-за сворачивания практики семейной или родственной взаимопомощи. Свертывание программ социального обеспечения – только один из многих факторов постсовременной бедности. Главной же ее причиной считается перегрузка современных институтов завышенными индивидуальными и коллективными ожиданиями, которые не могут быть удовлетворены исходя из наличных ресурсов и техник их обеспечения.

В подобной теоретической перспективе можно увидеть попытку вписать бедность в более широкое социальное пространство с учетом индивидуализации как стадии постсовременного общественного развития, исходя из процессов деинституционализации и фрагментации. Личный потенциал, умение разбираться и действовать в расширяющейся сети постоянно меняющихся социальных институтов – определяющие условия постсовременного благополучия. Институциональное непостоянство компенсируется включением индивидов в широкий спектр постоянно появляющихся на неопределенное – не слишком продолжительное – время структурных возможностей. В каждой конкретной ситуации действует свой набор институтов и способов поведения. На стадии постмодерна сложно выявить общие закономерности попадания в число бедных, какие-либо основания для коллективного действия, а тем более выработать универсальные принципы социальной политики. Разнообразие усиливается и тем, что сама бедность постоянно конструируется в дискурсе социальных программ. В этих условиях эффективной может быть только адресная социальная политика, ориентированная на конкретные, узкие социальные группы, максимально оперативная (гибкая) в зависимости от постоянно меняющейся жизненной ситуации.

В этом, конечно, есть определенная логика, но, на наш взгляд, без понимания общественных приоритетов и учета ведущих структурных механизмов социального неравенства объяснения становятся описательными и фрагментарными, а социальная политика теряет целостность.

Социальное конструирование бедности в государстве всеобщего благоденствия

В качестве примера четвертого варианта объяснения бедности приведем концепцию *социального исключения*, которая, подобно зонтику, применяется сегодня в обсуждении самых разных социальных и экономических проблем. Несмотря на справедливую критику, указывающую на то, что ни в одной дисциплине теория социального исключения до сих пор не разработана [27; 8], несомненным достоинством самой идеи является фокус на структурах возможностей и на процессе производства социальной позиции через взаимодействие индивида и общества.

Экономист А. Сэн, лауреат Нобелевской премии, попытался упорядочить данную концепцию перечислением основных черт современной бедности [18]. *Во-первых*, он понимает бедность не как недостаток чего-либо, а как *бедные условия жизни*. Низкий доход является лишь одним из множества факторов, конституирующих отсутствие возможности (*capability deprivation*) следовать минимально приемлемому уровню жизни. Например, исключение или отлучение от возможности участия в труде или получения кредита ведет к экономическому обеднению, а уж потом – к депривации (лишениям). Таким образом, социальное исключение – это *инструментальная причина текущих жизненных трудностей и возможных неудач* [29, р. 5]. *Во-вторых*, он выделяет характеристики относительной депривации, ведущей к переживанию бедности. Бедность появляется тогда, когда нет возможности следовать принятым социальным практикам без

ущемления себя. Например, голод в традиционных обществах может быть связан не только с физической нехваткой пищи, но и с традицией обмениваться продуктами. Во избежании позора приходится следовать этой традиции и голодать. В-третьих, социальная политика может приводить не только к социальному исключению, но и к неудачному включению (*unfavorable inclusion*). Для практического решения вопроса А. Сэн предлагает выявлять все возможные формы социального исключения как лишения возможностей: универсальные – низкий уровень образования, национальные – связанные, например, с низким уровнем экономического развития и т.п. При этом он уделяет особое внимание азиатской социальной и экономической политике, специфической, но не менее успешной в преодолении исключения. В отличие от западной модели социальной политики с ее пресловутым принципом *laissez-faire*, в Японии и Юго-Восточной Азии помимо рыночных, чисто экономических мер полагаются и на широкие государственные программы в преодолении бедности и исключения: доступное массовое образование, в том числе базовое экономическое, доступность кредитов и т.п. По мнению Сэна, задача новой социальной политики, политики против исключения – в том, чтобы приспособить многочисленные, уже имеющиеся институты для выполнения задачи включения.

Попытки обобщить социологический опыт анализа социального исключения и бедности предприняты коллективом европейских социологов⁴ [35, р. 1-17]. Они выделили три основных дискурса, в которых разрабатывается концепция исключения/ включения: 1) социальные проблемы и неравенства; 2) социальная интеграция и порядок; 3)

⁴ Работа выполнена под руководством Алисон Вудворд, профессора социологии и директора центра женских исследований при Брюссельском свободном университете, а также Мартина Коли, профессора социологии Берлинского университета, бывшего президента Европейской социологической ассоциации в 1997 – 1999 гг.

институциональный механизм участия в обществе. Каждый из них заполняет бреши классических объяснений социального неравенства и бедности, поскольку традиционные вертикальные модели классового деления, основанные на положении (месте) в системе производства, не в состоянии описать и объяснить различия позиций тех, кто находится внутри и вне производства (рынка труда). Отсюда делается акцент на динамическое взаимодействие классового деления с переменными социального неблагополучия, выраженными, например, в гендерной позиции, этничности или гражданском статусе [35, р. 2-3]. Социальное исключение представляется как многомерный и кумулятивный (совокупный) процесс взаимодействия и взаимовлияния различных факторов. Безработица и ситуация на рынке труда по-прежнему остаются в центре внимания, но уже наряду с другими проявлениями исключения: низкий уровень образования, уязвимые или нестабильные семьи, инвалиды, люди со слабым здоровьем, бездомные и т.д. Общий лейтмотив исследований в рамках данной теоретической перспективы – стремление ответить на вопрос о том, в какой степени социальное неблагополучие до сих пор является результатом неучастия в труде, или же оно все сильнее определяется новыми формами неравенства [28, р. 127-146]. Иными словами, риторика социального исключения косвенным образом отражает глобальные социальные изменения: разрушение трудовых контрактов (wage-earning contracts) и тесно с ними связанных режимов социального обеспечения, попытку прояснить современные институциональные изменения. Несмотря на структурный акцент, сторонники данного направления отводят особое внимание и индивидуальной активности, подчеркивая, что структурное исключение всегда предполагает индивидуальное включение, и наоборот. Они стремятся также понять процессы, которые одних индивидов приводят к накоплению трудностей, а других – к накоплению преимуществ (См.: [8, с. 148]) В

социальной политике отстаивается принцип «включения» групп, исключенных по самым разным основаниям.

Смена приоритетов в политике и науке привела к оттеснению на второй план классовой принадлежности, поскольку о своих интересах стали заявлять представители не только рабочего класса, но и других социальных субъектов, в частности, общественных движений – феминистского, экологического, антиглобалистского [20, 21, 22] и т.п., усилилось также влияние государства на реализацию гражданских прав.

В целом, концепция социального исключения следует конструктивистской традиции, для которой характерно представление о множественной связи системы и неравенства, о конструировании бедности, в том числе через знание и политику, а отсюда – признание невозможности ее полного преодоления. Но в отличие от предыдущего варианта объяснения здесь рассматриваются различные комбинации структур ограниченных возможностей, заставляющих индивида действовать неэффективно. Сторонники этого направления сходятся во мнении, что современные структуры возможностей не столь иерархичны как прежде и не связаны только с рынком труда. Они стремятся представить комбинацию различных социальных позиций и рассмотреть влияние действий, как со стороны государства, так и со стороны гражданского общества на расширение возможностей, преодоление ситуации социального исключения. Следует отметить, что практическое действие индивидов – вторая, составляющая социального исключения, основу которой чаще всего видели в регулирующей роли государства, которая в данной перспективе пока остается на периферии, хотя и признается значимой.

Представляется, что все четыре объяснения бедности, описанные здесь применимы к анализу ситуации в России. Модель «культуры бедности»

годится для описания «привыкания» какой-то части россиян к бедности, «включение» их в культуру бедности. Многие отечественные и зарубежные ученые подтверждают эту опасную тенденцию, под действием которой увеличивается масса экономически неактивных людей, зависящих от социальной помощи, что увеличивает разобщенность общества [3, с. 44]. Концепция классовой эксплуатации применима к распространению бедности на работающих. Модель стилей и рисков бедности скорее подходит для развитых капиталистических обществ, хотя существует точка зрения, что Россия движется не от социализма к капитализму, а развивает эксплоярную экономику, расширяя неформальные отношения и связи [10]. Это вполне вписывается в рамки глобальных процессов в виде « сетевого общества», «гибкой специализации», «индивидуализации» и т.п. В таком смысле вполне можно определить изменения, происходящие в России как движение в сторону от формирования вертикальных классовых иерархий, в направлении, ведущем к горизонтальным взаимозависимостям. Можно согласиться с иронией М. Буравого, что в России «реакцией на крах наиболее модернистского из имевшихся проектов (плановое общество) стал переход к наиболее постмодернистскому, эгоцентричному миру» [1, с. 20]. Модель социального исключения больше подходит для обществ, где на место вертикальной стратификации приходит горизонтальная, связанная с разнообразными формами дискриминации семей от основных механизмов интеграции, а не принадлежностью к заведомо бедным классам, например, неквалифицированным рабочим. Из-за отсутствия массовых выступлений классового характера признаются ограниченность подходов, разработанных для классовых обществ, и большая адекватность концепций горизонтальной стратификации, индивидуализации рисков и социальной эксклюзии [9, с. 94-95].

При весьма высоких гипотетических шансах объяснить воспроизводство бедности в России в этих моделях есть несколько неувязок: они не учитывают специфики трансформационного процесса и не объясняют, каким образом в недрах «старого» формируется «новое», как старые структурные позиции трансформируются в новые под влиянием практического действия людей. И все же последний вариант совмещения структурных ограничений и индивидуального поведения, на наш взгляд, является наиболее продуктивным для анализа причин бедности в современной России. Во-первых, в ситуации нестабильности и складывания нового социального порядка он позволяет рассматривать различные комбинации структурных ограничений, как связанные с прежней структурой неравенства, так и вызванные появлением новой. Во-вторых, несмотря на споры о том, какие социальные отношения складываются в России – классовые или неклассовые, – очевидно, что они формируются посредством реагирования людей на изменения условий существования. Сохранение рабочего места или поиск другого, повышение образования или смена специальности, обращение за государственной поддержкой или выращивание картофеля на подсобном участке – различные формы участия россиян в производстве социальных отношений и траекторий трансформации общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Буравой М.* Великая инволюция: реакция России на рынок // На пути к рыночной экономике: социальная практика регионального развития / Под ред. *Лаженцева В.Н.* Сыктывкар: КНЦ, 2003. С. 13-54.
2. *Буравой М.* Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1997. № 10–11. С. 154-176.

3. Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств / Под ред. *Шкаратана О.И.* М.: ГУ ВШЭ, 2003.
4. *Давыдов Ю.Н.*, Ред. Современная западная социология. Словарь. М.: Политиздат, 1990.
5. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Политиздат, 1960.
6. *Маркс К.* Экономические рукописи 1861–1863 годов. Процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. М.: Политиздат, 1960.
7. *Спенсер Г.* Социальная статика. Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. СПб.: В. Врублевский, 1906.
8. *Погам С.* Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. С. 140-156.
9. *Тихонова Н.Е.* Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.
10. *Шанин Т.* Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 11-32.
11. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. М.: Политиздат, 1960.
12. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. М.: Политиздат, 1960.
13. *Ярошенко С.* Синдром бедности // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 43-50.
14. *Bessant J., Hil R., Watts R.* “Discovering” risk. Social research and policy making. New York: Peter Lang. 2003.

15. *Bottomore T.* Sociology and socialism. New York: St. Martin's press, 1984.
16. *Cheal D.J.* New poverty: families in postmodern society. London: Greenwood press, 1996.
17. *Foucault M.* Truth and power // C. Gordon (ed.). Power/ knowledge: Selected interviews and other writings, 1972-1977. New York: Pantheon, 1972.
18. *Gore Ch., Figueiredo J.B.* (ed) Social exclusion and anti-poverty policy. Geneva: International institute of Labour studies, 1997.
19. *Hannerz U.* Cultural complexity: studies in the social organization of meaning. New York: Columbia university press, 1992.
20. *Haraway D.* Situated knowledges: The science question in feminism and the privilege of the partial perspective // Feminist studies. 1988. Vol. 14.
21. *Katz M.B.* The price of citizenship: redefining America's welfare state. New York: Metropolitan Books, 2001.
22. *Katz M.B.* The underclass debate. Views from history. Princeton: Princeton University press, 1993.
23. *Lewis O.* La Vida. New York: Random House, 1968.
24. *Lewis O.* A study of slum culture. New York: Random House, 1968.
25. *Lewis O.* Five families: Mexican case studies in the culture of poverty. New York: Basic Books, 1959.
26. *Lewis O.* The culture of poverty // Poverty in America / Ed. by L. Ferman, I. Kornblun, A. Haber. University of Michigan press, 1965.
27. *Oyen E.* The contradictory concepts of social exclusion and social inclusion // Social exclusion and anti-poverty policy / Ed. by Charles Gore and Jose B. Figueiredo. Geneva: International institute of Labour studies, 1997.

28. *Scott J.* If class is dead, why won't it lie down? // Woodward A., Kohli M., eds. Inclusion and exclusion in European societies. London; New York: Routledge, 2001.
29. *Sen A.* Social exclusion: concept, application and scrutiny // Social development papers. № 1. Asian Development bank, 2000.
30. *Sprague J., Kobrynovich D.* A feminist epistemology // Chafertz J.S., ed. Handbook of sociology of gender. New York: Kluwer academic, 1999.
31. *Trasher F.M.* The gang. Chicago: University of Chicago, 1927.
32. *Venkatetesh S.A.* American project: the rise and fall of a modern ghetto. Cambridge: Harvard University press, 2000.
33. *Whyte W.F.* Street Corner Society. Chicago: University of Chicago Press, 1943.
34. *Wilson W.J.* The truly disadvantaged: The inner city, the underclass and public policy. Chicago: University of Chicago press, 1987.
35. *Woodward A., Kohli M.,* eds. Inclusion and exclusion in European societies. London; New York: Routledge, 2001.
36. *Wright E.O.* Class counts. Comparative studies in Class Analysis. New York: Cambridge University Press, 1997.
37. *Wright E.O.* Interrogating Inequality. Essays on Class Analysis, Socialism and Marxism. London; New York: Verso, 1994.